

ки указывались в трех местах шаманские гробницы. Одна находилась, между прочим, в пещере или вернее в трещине скалы. Здесь труп огромного шамана в сидячем положении, прислоненный к стене, находился нетронутым в продолжение нескольких десятков лет. Но недавно скрылся. Многих шаманов, правда, сами Индиане зарыли в землю, потому что стали замечать следы нежелательных посетителей, которые, уходя, всегда что-нибудь утаскивали с собой на память; то клочок волос шамана, то какое-нибудь украшение его лица — носовую палочку, серьгу из уха и т.п.» [Архимандрит Анатолий 1906: 111–112].

Архимандрит Анатолий. В стране шаманов. Индиане Аляски. Быт и религия их. Одесса, 1906.

Бывшие русские владения в Америке. Колоши. Из записок моряка // Всемирная иллюстрация. 1869. Т. 1. № 12–13. С. 179–198.

Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Ч. 3.

[Давыдов Г.И.] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1812. Ч. II.

Марков А.И. Русские на Восточном океане. М., 1856.

[Шабельский А.] Пребывание в колониях Российско-Американской компании А. Шабельского // Северный архив. 1826. № 14–15.

Emmons G.T. The Tlingit Indians. Seattle; London; New York, 1991.

[Holmberg H.J.] Holmberg's ethnographic sketches / Ed. M.W. Falk. Fairbanks, 1985.

[Krause A.] The Tlingit Indians. Results of a Trip to the Northwest Coast of America and Bering straits by Aurel Krause. Seattle, 1956.

В.Ю. Крюкова

ДРЕВНЕЙШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ МАРГИАНЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ИРАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Традиционная культура на протяжении тысячелетий служила неистощимой основой, питавшей духовную жизнь индоиранских народов. Черты, нашедшие отражение в таких памятниках, как Ригведа и Авеста, прослеживаются и сегодня в этнографически засвидетельствованных обрядах и верованиях. Древнейшие идеи индоиранского мира стали стержневыми для традиционных культур Центральной Азии, принимая и теряя те или иные элементы в ходе исторического развития, но сохраняя основные модели. Под влиянием крупнейших религий — буддизма, зороастризма, христианства, ислама — в недрах традиционной культуры рождались особые явления и появлялись новые формы выражения. С течени-

ем времени они исчезали или превращались в малопонятные, приспособлялись для нужд очередной религиозной системы.

Археологические изыскания последних лет, проводящиеся на территории современного Туркменистана под руководством В.И. Сариниди (Маргианская археологическая экспедиция), заставляют по-новому взглянуть на целый ряд поставленных, но так и не решенных вопросов, включая индоевропейскую проблему и происхождение зороастризма. Хотелось бы надеяться, что открытие одного из древнейших пластов культуры на территории Центральной Азии поможет прояснить как механизм формирования религии иранских империй, зороастризма, бытовавшего в этих землях после угасания цивилизации страны Маргуш, так и развитие традиционных культур центрально-азиатских народов.

Что касается зороастризма, необходимо сделать несколько замечаний. Сложение этой религии происходило в течение нескольких исторических эпох и завершилось, как представляется, только в период мусульманского завоевания Ирана. Скорее всего до этого рубежа зороастризм не представлял собой единого сформировавшегося вероучения, свидетельством тому служат существенные различия как идеологического, так и ритуального плана, обнаруженные при исследовании памятников, которые принято относить к числу зороастрийских. Не вполне разгадано соотношение западно- и восточно-иранских элементов в обрядовой системе зороастризма. Возможно, именно в стране Маргуш следует искать истоки тех ритуалов, которые не восходят напрямую к индоиранской традиции Ригведы и ранних авестийских Яштов, а могут быть связаны с западной традицией и ассоциируются обычно с жреческими культами, описанными авестийским Видевдатом. К их числу можно отнести засвидетельствованные этим памятником варианты похоронного обряда, сложные системы последовательных омовений осквернившихся в ямах, очищения огней, а также культ собаки. Несмотря на то, что последнее явление прекрасно поддерживается ведийской традицией и общим индоевропейским фоном, собственно «зороастрийское», особенно пристрастное отношение к этому животному в Авестийском собрании прослеживается только в Видевдате. Ни в одной другой книге Авесты собака, в отличие от других «благих» животных, не упоминается ни разу, а Геродот называет ее как животное, связанное с западно-иранскими жрецами-магами. В этой связи интересны гонурские захоронения собак, особенно отдельные. Конечно, зороастрийцы позднего по времени сложения Видевдата не приносили собак в жертву, в отличие от жителей Гонура они (по крайней мере, судя по жреческим предписаниям) выставляли трупы собак, так же как и трупы людей, но культы, подобные гонурским, могли поддерживать традицию особого отношения к собаке.

Точно так же и наиболее значимые черты цивилизации страны Маргуш (храмовые комплексы, снабженные источником воды, следы культа огня, остатки возбуждающих и галлюциногенных растений) вследствие своего общего для индоевропейского мира характера могут быть скорее не доказательством того, что жители Гонура были «зороастрийцами», а указанием на то, что маргушская древневосточная цивилизация могла послужить благодатной почвой, одним из факторов для сложения зороастрийской религии.

Более конкретными представляются некоторые черты, демонстрирующие связь маргушской цивилизации с традиционными культурами народов Центральной Азии. К ним можно отнести, например, такую архитектурную особенность, как стенные ниши, названные В.И. Сарияниди «слепыми окнами» [Сарияниди 2006]. Такие ниши, являясь обычной чертой равнинного и предгорного жилища центрально-азиатского оседлого населения, предназначаются как для хозяйственных, так и для культовых нужд. В частности, одна из ниш может служить михробом, т.е. указывать направление молящихся мусульман на Мекку. Представляется несомненным, что мусульманская окраска культовой ниши является вторичной, не случайно иногда она служит одновременно вместилищем постельных принадлежностей, которые сами по себе имеют сакральное значение. Показательно наличие ниш в имитирующем жилой дом «царском некрополе» на восточном берегу главного водоема северного Гонура [Сарияниди 2006].

В описании гонурских помещений обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти каждое из них, включая погребальные камеры, имитирующие жилище, снабжено вдухчастой печью. В.И. Сарияниди сделал предположение, что эти печи, конструкция которых не позволяет пламени огня проникать в больший отсек, служили для изоляции приготавливавшегося жертвенного мяса от священного огня, дабы не допустить осквернения последнего [Сарияниди 2006]. Действительно, согласно ведийским и более поздним индийским ритуальным текстам жертвенное мясо должно было не сгорать на огне, а лишь поджариваться, покрываться коркой (см. [Маламуд 2005: 77], где речь идет об окуривании невесты при совершении свадебного ритуала и кремации трупа, в обоих случаях в ходе ритуального «приготовления» жертва подвергается воздействию огня). Эта особенность была продиктована представлением о том, что в противном случае вся жертва достанется лишь одной «сжигающей» разновидности огня («пожирателю живого»), и боги, лишенные помощи другого огня, переносящего подношения, ничего не получают [Там же: 83].

Вместе с тем вероятным мне кажется предположение, что столь многочисленные печи (запроектированные даже в башнях крем-

левских стен) могли служить не исключительно как ритуальные, а и как обычные очаги, в том числе для обогрева помещений. Косвенным подтверждением может служить сохранившаяся до наших дней в Центральной Азии практика сооружения особых устройств для обогрева, получивших название «сандали». В качестве очага под деревянный табурет или столик («сандали») выкапывали двухступенчатое углубление, на приподнятой части которого лежал «жар» — угли, а на нижней — зола, на которой в сосудах грели воду. По периметру углубление оформляли деревянной рамой или битым кирпичом, наподобие того, как для пола гонурских печей использовали осколки керамики. Сам столик застилали одеялом. Сандали устраивали как в средней части комнаты, так и впритык к одной из стен [Писарчик 1982: 94–95]. Конструкция этого сооружения отличается от строения двухкамерных печей Гонура, но обогревательный эффект, когда греться можно непосредственно рядом с большой керамической печью, как представляется, является аналогичным.

По словам А.К. Писарчик, особенно в горных районах, в качестве очага под сандали вмазывали большую глиняную лохань [Там же: 94]. Этот интересный прием зафиксирован и в Гонуре. Так, в восточном комплексе Гонура [Сарианиди 2006: 173–174] были найдены вкопанные в землю сосуды с вмазанными в дно мисками. На одной из фотографий можно увидеть ряд из пяти таких сосудов, помещенных в одну линию на узкой прямоугольной платформе. Сходная композиция из расположенных ровной цепочкой пяти глубоких камер, выложенных кирпичами со следами сильного горения, описана В.И. Сарианиди в Гонуре [Там же: 98]. Обращает на себя внимание само число «5», глубоко символичное в индоиранской традиции, равно как и в традиционной культуре центрально-азиатских народов (четыре направления сторон света и центр, символическое изображение человека и так далее). Сама же система ям или углублений, по прямой линии образующих единый ряд, заставляет вспомнить зороастрийские обряды очищения, предписывавшиеся авестийским Видевдатом для омовения людей и очищения оскверненного огня.

Обнаруженный в «комплексе погребальных ритуалов» лаз, через который, по предположению В.И. Сарианиди, могли выносить из помещения покойника [Там же], возможно, не только является свидетельством следования обряду выноса мертвого тела не в обычную дверь, а в специальный лаз (в том числе зафиксированный Авестийским Видевдатом), но и подтверждает древнее происхождение архитектурной детали современного центрально-азиатского жилища (например, в предгорьях Таджикистана). Здесь из двух дверей, ведущих с айвана внутрь дома, пользуются только одной.

Вторая дверь, через которую можно было бы непосредственно пройти в жилое помещение, никогда не должна использоваться по назначению. Существовало, что иногда этот дверной проем имеет не нормальный размер, а гораздо меньший, напоминающая скорее лаз. Сообщивший мне эти сведения д.и.н. Р.Р. Рахимов вместе с тем указал, что покойника через эту дверь также не выносят, а пользуются обычным входом.

Относительно гонурских «песчаных комнат» [Там же] хотелось бы высказать прагматичное соображение. Не могли ли они служить для поддержания пожарной безопасности? В комплексе с таким количеством очагов и печей пожары должны были представлять существенную угрозу, тем более что территория «площади совместных трапез», носящая следы огня, видимо, засыпалась песком. В пользу этого предположения говорит и наличие напоминающего пожарную каланчу кирпичного «столба» в центре одной из комнат, на который вела лестница, а также то, что песчаные комнаты находились выше уровня пола других помещений и не имели кровли. К тому же, территориально они располагались с разных сторон дворца, что облегчало бы скорейшую подачу песка. Конечно, на территории Гонура имелись свои водоемы, но, с одной стороны, устройство «песчаных комнат» могло относиться ко времени, когда вода постепенно отступала, а с другой — вполне вероятно, что существовал ритуальный запрет на тушение огня водой.

В целом следует заметить, что жизнь человека (особенно хорошо это видно на примере древних и традиционных обществ) полностью находится во власти священного, причем каждое действие верующего строго регламентировано религиозным законом. Не только храм, но и жилище является подобием горнего мира, не только праздничная жертва, но и любая пища является жертвоприношением. Возможно, поэтому Гонур видится комплексом святилищ, где, кажется, все было подчинено идее совершения бесконечного числа жертвоприношений (изображение головы барана с катящимися из глаз слезами на маргианском ритуальном сосуде опять-таки созвучно индоиранскому отношению к жертвенному животному — у него со всем сочувствием просят прощения перед умерщвлением). Эти жертвы, вместе с возвышенными алтарями, водоемами и огнями, были непреходящими элементами картины мира. Представляется, что по мере сложения и зороастризма, и традиционных культур Центральной Азии древнейшая гонурская культурно-историческая почва хотя и не являлась единственным первоисточником ритуальных систем, но, по крайней мере, могла послужить одним из важнейших оснований последних.

Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.
Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Сарианиди В. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2006.

Л.С. Лаврентьева

**«ГОВОРИТЬ ПО-АРАБСКИ»
(ИЗ ПРЕДМЕТОВ ГАГАУЗСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
ПОЛКОВНИКА В.А. МОШКОВА)**

В фонде отдела Европы хранятся предметные и иллюстративные коллекции, поступившие от известного исследователя и собирателя конца XIX — начала XX в. Валентина Александровича Мошкова. Получив военное образование, он всю жизнь состоял на военной службе и науке отдавал лишь свободное время. И, как пишет А.М. Решетов, В.А. Мошков в науке достиг значительных успехов. «Особенно значителен его вклад в гагаузоведение, основоположником которого он по существу и является» [Решетов 2003: 5]. И, действительно, ни одно современное исследование по гагаузской культуре не обходится без упоминания работ В.А. Мошкова.

Важнейший труд В.А. Мошкова — серия статей «Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы)» — был опубликован в нескольких выпусках «Этнографического обозрения» за 1900–1902 гг. В них содержится большой фактический материал, прodelывается научный анализ, приводится сравнительный материал по другим культурам. Когда он работал в гагаузских селах, ему удалось приобрести интереснейшие коллекции для Кунсткамеры.

Вопрос о происхождении гагаузов особенно активно обсуждался в конце XIX — начале XX в. «Тюркская» теория происхождения гагаузов, предложенная проф. Иречком, нашла себе много последователей [Токарев 1958: 203]. Среди них был и акад. В.В. Радлов, который с 1894 г. возглавлял Музей антропологии и этнографии [Решетов 1999: 137–155]. В Бессарабии и другие районы гагаузы начали переселяться вместе с болгарями после русско-турецких войн в конце XVIII в. Большая часть их пришла оттуда в 1806–1812 гг.

В.А. Мошков собирал сведения и коллекции среди самой многочисленной группы гагаузов, живущих в Бессарабии, в Бендерском уезде, Комрадской волости в деревне Бешалма и в Измайлловском уезде, Болградской волости в селе Конгаз, т.е. в южной части правобережной Молдавии. В 1861–1862 гг. часть бессарабских гагаузов переселилась в Таврическую губернию. Молдавские ис-